

УДК 343.2

DOI: 10.34670/AR.2026.36.67.053

Сравнительно-правовой анализ института необходимой обороны в Российской Федерации и Китайской Народной Республике

Денисенко Евгений Владимирович

Преподаватель,
кафедра уголовного права,
Северо-Западный институт управления
— филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43;
e-mail: denisenko.e.v.spb@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному компаративистскому исследованию правового института необходимой обороны в уголовном праве Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Автором проводится детальный сопоставительный анализ нормативно-правовой регламентации оснований, пределов и условий правомерности причинения вреда посягающему лицу в обеих правовых системах. В рамках исследования детально рассматриваются статьи 20 Уголовного кодекса КНР и статьи 37 Уголовного кодекса РФ, исследуется специфика материально-правового закрепления эксцесса обороны, а также критерии оценки соразмерности оборонительных действий. Особое внимание уделяется китайскому институту «абсолютной (неограниченной) обороны» и его отличиям от российских презумпций правомерности защиты при посягательствах, сопряженных с насилием, опасным для жизни. На основе анализа руководящих разъяснений Верховного Суда РФ и Верховного народного суда КНР выявляются ключевые концептуальные сходства и различия в подходах российского и китайского правоприменителей. По результатам исследования сформулированы научно обоснованные предложения по модернизации отечественного уголовного законодательства с учетом положительного опыта КНР.

Для цитирования в научных исследованиях

Денисенко Е.В. Сравнительно-правовой анализ института необходимой обороны в Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 514-522. DOI: 10.34670/AR.2026.36.67.053

Ключевые слова

Необходимая оборона, эксцесс обороны, сравнительное правоведение, уголовное право Китая, уголовное право России, пределы правомерности, абсолютная оборона, квалификация преступлений, Верховный народный суд КНР, правоприменение.

Введение

Институт необходимой обороны выступает одним из ключевых материально-правовых инструментов, гарантирующих реализацию естественного права граждан на защиту от противоправных посягательств, а также обеспечивающих баланс интересов личности, общества и государства в правовом поле. В условиях динамично развивающихся межгосударственных связей, укрепления геополитического союза и стратегического партнерства между Российской Федерацией (далее - РФ) и Китайской Народной Республикой (далее - КНР) особый научно-практический интерес приобретает компаративный анализ фундаментальных институтов уголовного права двух стран. Несмотря на схожесть базовых материально-правовых конструкций, обусловленную сильным историческим влиянием советской доктрины на уголовное право Китая в середине XX века, современное уголовное законодательство КНР демонстрирует уникальные, высоко прагматичные подходы к регламентации пределов правомерности защиты. Модернизация Уголовного кодекса КНР 1997 года, а также принятие в последние годы Верховным народным судом КНР специализированных руководящих разъяснений сформировали специфическую модель «абсолютной обороны», которая заслуживает детального теоретического осмысления. Проведение сравнительно-правового анализа в данном направлении позволяет не только глубже понять специфику азиатской модели уголовного права, развивающейся в рамках социалистической правовой семьи с китайской спецификой, но и выявить латентный потенциал для разрешения хронических проблем отечественного правоприменения, связанных со статьей 37 Уголовного кодекса РФ.

Основная часть

Материально-правовая природа института необходимой обороны как универсального обстоятельства, декриминализирующего причинение вреда при защите правоохраняемых интересов, традиционно выступает объектом глубоких теоретических дискуссий в континентальной и социалистической правовых доктринах. Центральной проблемой юридической техники при конструировании норм уголовных законов Российской Федерации и Китайской Народной Республики является поиск оптимального баланса между обеспечением правовой автономии обороняющегося субъекта и недопущением несоразмерного причинения вреда.

Согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 37 УК РФ, защита признается правомерной, если она направлена против общественно опасного посягательства, независимо от того, привлечено ли посягающее лицо к уголовной ответственности и обладает ли оно признаками субъекта преступления. Российское законодательство дифференцирует посягательства по признаку их объективной опасности на сопряженные с насилием, опасным для жизни обороняющегося или других лиц, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1), и посягательства, не сопряженные с указанными признаками (ч. 2).

В свою очередь, абзац 1 статьи 20 Уголовного кодекса КНР закрепляет следующую диспозицию: *«Деяние, совершенное для защиты государства, общественных интересов, личности, имущества или иных интересов обороняющегося или других лиц от незаконных посягательств и причинившее ущерб посягающему лицу, является необходимой обороной и не влечет уголовной ответственности»*. При сопоставлении данных диспозиций обнаруживаются важные идеологические и технико-юридические нюансы.

В то время как Уголовный кодекс РФ фокусируется на делении посягательств по признаку их потенциальной опасности для биологического существования личности, УК КНР непосредственно перечисляет иерархию объектов защиты, ставя на приоритетное место «государственные и общественные интересы» [Меркурьев, Тараканов, 2025]. Данный нормативный конструкт отражает специфику китайской социалистической правовой доктрины, в которой коллективные и публичные интересы пользуются повышенной защитой со стороны государства. Гражданин КНР, пресекающий посягательство на государственную собственность или общественный порядок, наделен теми же преференциями правового института необходимой обороны, что и лицо, защищающее собственную жизнь. В Российской Федерации защита государственной собственности или общественного порядка формально подпадает под действие ч. 2 ст. 37 УК РФ, что существенно ограничивает обороняющегося в выборе средств и интенсивности противодействия под угрозой последующего вменения эксцесса обороны. Условия правомерности, относящиеся к посягательству, в обеих правовых системах совпадают: оно должно характеризоваться реальностью, наличностью и незавершенностью. Однако специфика их доктринального толкования наиболее ярко проявляется при переходе к анализу правовых последствий дефектов этих условий, порождающих феномен превышения пределов обороны.

Проблема эксцесса необходимой обороны представляет собой одну из наиболее сложных задач для квалификации и правоприменения как в российской, так и в китайской следственно-судебной практике. В Российской Федерации на основании ч. 2 ст. 37 УК РФ превышением пределов необходимой обороны признаются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. Отечественная судебная практика на протяжении длительного времени страдала уклоном в сторону установления «механистической соразмерности», при которой правоприменитель ретроспективно сопоставлял объем вреда, который мог быть причинен, с вредом, фактически причиненным нападающему субъекту. В целях нивелирования данной негативной тенденции законодатель дополнил статью частью 2¹, согласно которой не являются превышением пределов действия обороняющегося лица, если оно вследствие неожиданности нападения не могло объективно оценить степень и характер опасности посягательства. В Китайской Народной Республике законодатель подошел к определению материальных признаков эксцесса более прагматично. Абзац 2 статьи 20 УК КНР устанавливает: *«Если оборонительные действия явно превысили необходимый предел и причинили существенный вред, то уголовная ответственность наступает; однако следует назначить наказание ниже низшего предела санкции или освободить от наказания»*.

Развивая доктринальные положения Э. Ф. Побегайло о недопустимости механистического сопоставления вреда при оценке соразмерности защиты, отечественные исследователи последовательно указывают на деструктивность укоренившегося судебного консерватизма при вменении эксцесса обороны. В совместных исследованиях С. Ф. Милюкова и А. В. Никуленко обосновывается тезис о том, что российский уголовный закон нуждается в системной модернизации в части расширения прав обороняющегося субъекта и исключения оценочных категорий. При этом, как справедливо отмечает А. В. Никуленко в своих трудах, данная проблема приобретает особую остроту при оценке действий сотрудников силовых ведомств, для которых защита правоохраняемых интересов выступает не только субъективным правом, но и профессиональным долгом. Необходимость минимизации рисков ретроспективной оценки психоэмоционального состояния лиц, исполняющих служебные обязанности, обуславливает обращение к прагматичному опыту правовой системы КНР, внедрившей метод «ситуационного

погружения» правоприменителя в динамику момента нападения.

Китайская уголовно-правовая доктрина разделяет понятия «явное превосходство пределов» (объективно-количественный критерий) и «причинение существенного вреда» (результативный критерий). Для констатации эксцесса суду КНР необходимо доказать кумулятивное наличие обоих условий. Если действия обороняющегося незначительно превосходили интенсивность нападения, но привели к тяжким последствиям ввиду стечения случайных обстоятельств, эксцесс не признается. Более того, Верховный народный суд КНР совместно с Верховной народной прокуратурой КНР в своих Руководящих указаниях по делам о необходимой обороне прямо предписали нижестоящим судам отказаться от формального подхода «оценивать правомерность деяния исключительно по наступившему результату [Миллюков, Зуева, 2021]. Китайский правоприменитель обязан использовать метод «ситуационного погружения», предполагающий оценку обстановки сквозь призму восприятия ее обороняющимся субъектом в динамике момента нападения, с учетом дефицита времени, психологического напряжения, страха, паники и замешательства. Если в данном психоэмоциональном состоянии лицо не могло точно дозировать интенсивность контрударов, его действия признаются правомерными. В РФ аналогичный подход декларируется через призму ч. 2¹ ст. 37 УК РФ, однако сфера его применения нормативно ограничена исключительно ситуациями неожиданности нападения, в то время как в Китае учитывается интегральное стрессовое состояние субъекта, даже если нападение было ожидаемым.

Логическим завершением концепции защиты прав обороняющегося лица и преодоления трудностей верификации эксцесса в КНР стало нормативное закрепление института так называемой «абсолютной» (неограниченной) необходимой обороны. Данный материально-правовой конструкт, зафиксированный в абзаце 3 статьи 20 УК КНР, определяет: *«Если лицо осуществляет оборону против совершаемых в данный момент убийства, грабежа, изнасилования, похищения человека и других насильственных преступлений, серьезно угрожающих личной безопасности граждан, и наносит урон, повлекший смерть или ранение лица, осуществляющего незаконное посягательство, это не является превышением пределов необходимой обороны, и уголовная ответственность не наступает»*.

В Российской Федерации схожий по своей правовой природе механизм содержится в части 1 статьи 37 УК РФ, исключающей уголовную ответственность за эксцесс, если нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни, или с непосредственной угрозой применения такого насилия. Однако между оценочным подходом российской нормы и комбинированным (формально-перечневым) методом китайского законодателя существуют принципиальные различия. Преимущества китайского формально-перечневого подхода очевидны с позиции нормотворческой методологии.

Органам предварительного расследования и суду в КНР нет необходимости проводить сложные судебно-медицинские экспертизы с целью детерминации того, являлось ли насилие в начальной стадии грабежа или похищения «опасным для жизни». Сам факт совершения преступных деяний, прямо указанных в уголовном законе, автоматически легитимизирует применение любых оборонительных средств.

Жертва посягательства четко осознает границы дозволенного и защищенность своей правовой позиции.

В Российской Федерации гражданин, осуществляющий защиту, например, от квалифицированного квартирного грабежа без визуально идентифицируемого оружия в руках нападающего, вынужден балансировать на грани ч. 1 и ч. 2 ст. 37 УК РФ, неся высокие

латентные риски последующего привлечения к уголовной ответственности по ст. 108 или ст. 114 УК РФ.

При этом формулировка абз. 3 ст. 20 УК КНР - «и других насильственных преступлений, представляющих серьезную опасность для личности,» - оставляет данную норму относительно открытой, позволяя высшим судебным органам распространять презумпцию абсолютной правомерности на смежные категории особо опасных деяний [Меркурьев, Тараканов, 2025]. Эффективность функционирования данной презумпции подтверждается практикой высших судебных инстанций.

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить глубокие процедурные и методологические различия в подходах следственно-судебных органов России и Китая. В Российской Федерации ключевым регулятором судебной практики выступает Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27.09.2012 г. № 19. Данный документ содержит ряд прогрессивных разъяснений (в частности, о том, что переход оружия к обороняющемуся лицу не означает автоматического окончания нападения). Тем не менее, как фиксирует Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025) и текущая практика судов субъектов РФ, в нижестоящих судебных инстанциях сохраняется латентный обвинительный уклон по делам данной категории. Суды зачастую игнорируют или ограничительно толкуют положения ч. 2.1 ст. 37 УК РФ, признавая действия граждан превышением пределов, если вред был причинен с использованием предметов бытового назначения против физически превосходящих, но не имеющих оружия нападающих.

В КНР коренной перелом в правоприменительной практике произошел в результате рассмотрения резонансного «Дела Кунышань» (2018 г.). Гражданин Юй Хаймин в ходе дорожного конфликта подвергся физическому избиению со стороны Лю Хайлуна, применившего холодное оружие (мачете). В динамике столкновения оружие выскочило из рук нападавшего, после чего Юй Хаймин подобрал его и нанес противнику смертельные ранения, преследуя его в направлении транспортного средства. Несмотря на первоначальную квалификацию действий Юй Хаймина местными правоохранительными органами как превышения пределов обороны ввиду изменения вектора движения нападавшего, Верховный народный суд КНР и органы прокуратуры признали его действия полностью правомерными в рамках абз. 3 ст. 20 УК КНР (абсолютная оборона). Суд указал, что потеря оружия нападавшим и его движение к автомобилю не означали гарантированного и очевидного прекращения угрозы, так как в салоне машины могли находиться иные поражающие предметы, а психоэмоциональное состояние обороняющегося не позволяло ему мгновенно оценить изменение обстановки. Данный прецедент лег в основу консолидированных Руководящих указаний Верховного народного суда КНР, Верховной народной прокуратуры КНР и Министерства общественной безопасности КНР от 3 сентября 2020 года. Посредством этого акта судебного толкования китайский высший судебный орган закрепил императивные принципы, реформировавшие правоприменительную систему страны: принцип презумпции поощрения справедливости (при соответствии действий общему духу защиты судам запрещено проявлять избыточный формализм при оценке соразмерности); презумпция непрерывности нападения (при временном отступлении нападающего, сохраняющего агрессивное поведение или доступ к оружию, состояние обороны признается длящимся); а также прямой запрет на ретроспективную оценку содеянного [Малкин, 2023]. Данный опыт КНР наглядно демонстрирует, как регулятивная позиция высшей судебной инстанции способна

деконструировать консервативную обвинительную тенденцию правоохранительной системы.

Заключение

Проведенное компаративистское исследование нормативного регулирования и правоприменительной практики правового института необходимой обороны в Российской Федерации и Китайской Народной Республике позволяет сформулировать следующие теоретические и научно-практические выводы:

- Родовая близость уголовно-правовых систем РФ и КНР обуславливает сопоставимость их доктринальных институтов. При этом китайская модель демонстрирует более прагматичный и детализированный подход к конструированию уголовно-правовых диспозиций, смещая акцент с абстрактно-оценочных категорий на формально-перечневые критерии правомерности защиты.
- Закрепленный в абз. 3 статьи 20 УК КНР институт «абсолютной обороны» посредством императивного перечисления конкретных составов преступлений (убийство, грабеж, изнасилование, похищение человека) обеспечивает более высокий уровень правовой определенности и защищенности обороняющегося лица по сравнению с сугубо оценочным критерием «насилия, опасного для жизни», содержащимся в части 1 статьи 37 УК РФ.
- В целях модернизации отечественного уголовного законодательства, унификации следственно-судебной практики и минимизации латентного обвинительного уклона правоприменителя представляется целесообразным имплементировать положительные элементы юридической техники КНР. Предлагается дополнить диспозицию части 1 статьи 37 УК РФ фиксированным перечнем особо опасных насильственных преступлений (включая разбой, захват заложников и террористический акт), совершение которых априори исключает уголовную ответственность за любой причиненный посягающему вред.
- Перспективным направлением рецепции является также внедрение в отечественную доктрину разработанного Верховным народным судом КНР методологического подхода к оценке психоэмоционального состояния обороняющегося субъекта. Требуется нормативно запретить ретроспективный анализ соразмерности защиты, закрепив презумпцию правомерности действий лица, совершенных в состоянии страха, испуга или замешательства, вызванных противоправным посягательством.

Библиография

1. Авдеева Е. В. Необходимая оборона: актуальные вопросы законодательной регламентации и правоприменения // Российский судья. 2019. № 1. С. 16–20.
2. Аркавенко Н. А., Фурсов В. С. К вопросу об особенностях реализации необходимой обороны // Вопросы российской юстиции. 2023. № 23. С. 308–312.
3. Дресслер Дж. Понимание уголовного права = Understanding Criminal Law. 9-е изд. Нью-Йорк: СУНИ Пресс, 2020. 620 с. URL: https://archive.org/details/understandingcri0000dres_03ed
4. Капица В. С., Калабекова М. В., Смирнов С. В. Превышение пределов необходимой обороны: анализ теоретических и практических аспектов // Юриспруденция и современная правовая система: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. С. 90–94.
5. Лао Дунъянь. Новая доктрина необходимой обороны в судебной практике Китая // Журнал китайского правоведения. 2021. № 4. С. 45–62. URL: <https://e->

- univers.ru/upload/iblock/6c1/6c1f214e731265f0d46ab30525550c80.pdf
6. Малкин В. Р. Пределы необходимой обороны. Законодательная регламентация и правоприменительная практика // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 135–143.
 7. Меркурьев В. В., Тараканов И. А. Необходимая оборона: проблема оценки правомерности действий по защите себя и других лиц от общественно опасного посягательства // Викимология. 2025. Т. 12, № 4. С. 554–563. DOI: 10.47475/2411-0590-2025-12-4-554-563.
 8. Милоков С. Ф., Зуева Ю. В. Необходимая оборона в системе мультиправового института самозащиты (доктрина, практика, техника): монография. М.: Проспект, 2021. 144 с.
 9. Никуленко А. В. Институт необходимой обороны в деятельности сотрудников правоохранительных органов: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2023. 480 с.
 10. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Необходимая оборона против действий сотрудников правоохранительных органов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2026. Т. 16, № 1. С. 74–90. DOI: 10.21869/2223-1501-2026-16-1-74-90.
 11. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Судебное толкование признаков общественно опасного посягательства при необходимой обороне // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 101–112. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-5-101-112.
 12. Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 1080 с.
 13. Пучнин А. В., Прохонов В. С., Сысолина Н. С. Проблемы установления превышения пределов необходимой обороны // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 4. С. 246–249.
 14. Роксин К. Уголовное право. Общая часть. Том 1: Основания преступления = Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band 1. Мюнхен: С.Х. Бек, 2006. 1010 с. URL: <https://lawcat.berkeley.edu/record/499624>
 15. Савельев А. В. Социально-правовая характеристика института необходимой обороны // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 453–458.

Comparative Legal Analysis of the Institution of Necessary Defense in the Russian Federation and the People's Republic of China

Evgenii V. Denisenko

Lecturer,
Department of Criminal Law,
North-West Institute of Management
— Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
199178, 57/43, Sredniy pr. V.O., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: denisenko.e.v.spb@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a comprehensive comparative study of the legal institution of necessary defense in the criminal law of the Russian Federation and the People's Republic of China. The author conducts a detailed comparative analysis of the normative-legal regulation of the grounds, limits, and conditions of the lawfulness of causing harm to the person encroaching in both legal systems. Within the framework of the study, Article 20 of the Criminal Code of the PRC and Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation are examined in detail, the specifics of the substantive-legal consolidation of the excess of defense are investigated, as well as the criteria for assessing the proportionality of defensive actions. Particular attention is paid to the Chinese institution of "absolute (unlimited) defense" and its differences from the Russian presumptions of the lawfulness of defense in cases of encroachments involving violence dangerous to life. Based on the analysis of

the guiding explanations of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme People's Court of the PRC, key conceptual similarities and differences in the approaches of Russian and Chinese law enforcers are identified. Based on the results of the study, scientifically substantiated proposals for the modernization of domestic criminal legislation are formulated, taking into account the positive experience of the PRC.

For citation

Denisenko E.V. (2026) *Sravnitel'no-pravovoy analiz instituta neobkhodimoy oborony v Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respublike* [Comparative Legal Analysis of the Institution of Necessary Defense in the Russian Federation and the People's Republic of China]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 514-522. DOI: 10.34670/AR.2026.36.67.053

Keywords

Necessary defense, excess of defense, comparative law, criminal law of China, criminal law of Russia, limits of lawfulness, absolute defense, qualification of crimes, Supreme People's Court of the PRC, law enforcement.

References

1. Arkavenko, N. A., & Fursov, V. S. (2023). K voprosu ob osobennostyakh realizatsii neobkhodimoy oborony [On the Issue of the Specifics of the Implementation of Necessary Defense]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii* [Issues of Russian Justice], (23), 308–312.
2. Avdeeva, E. V. (2019). Neobkhodimaya oborona: aktual'nyye voprosy zakonodatel'noy reglamentatsii i pravoprimeneniya [Necessary Defense: Current Issues of Legislative Regulation and Law Enforcement]. *Rossiyskiy sud'ya* [The Russian Judge], (1), 16–20.
3. Dressler, J. (2020). *Understanding Criminal Law* (9th ed.). New York: SUNY Press. https://archive.org/details/understandingcri0000dres_03ed
4. Kapitsa, V. S., Kalabekova, M. V., & Smimov, S. V. (2025). Prevysheniye predelov neobkhodimoy oborony: analiz teoreticheskikh i prakticheskikh aspektov [Exceeding the Limits of Necessary Defense: An Analysis of Theoretical and Practical Aspects]. In *Yurisprudentsiya i sovremennaya pravovaya sistema: aktual'nyye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sbornik statey V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Jurisprudence and the Modern Legal System: Current Issues, Achievements and Innovations: Collection of Articles of the V International Scientific and Practical Conference] (pp. 90–94). Penza: Nauka i Prosveshcheniye.
5. Lao, D. (2021). Novaya doktrina neobkhodimoy oborony v sudebnoy praktike Kitaya [The New Doctrine of Necessary Defense in Chinese Judicial Practice]. *Zhurnal kitayskogo pravovedeniya* [Journal of Chinese Jurisprudence], (4), 45–62. <https://e-univers.ru/upload/iblock/6c1/6c1f214e731265f0d46ab30525550c80.pdf>
6. Malkin, V. R. (2023). Predely neobkhodimoy oborony. Zakonodatel'naya reglamentatsiya i pravoprimenitel'naya praktika [The Limits of Necessary Defense. Legislative Regulation and Law Enforcement Practice]. *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova* [Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov], (2/95), 135–143.
7. Merkuriev, V. V., & Tarakanov, I. A. (2025). Neobkhodimaya oborona: problema otsenki pravomernosti deystviy po zashchite sebya i drugikh lits ot obshchestvenno opasnogo posyagatel'stva [Necessary Defense: The Problem of Assessing the Legality of Actions to Protect Oneself and Others from Socially Dangerous Attacks]. *Viktimologiya* [Victimology], 12(4), 554–563. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2025-12-4-554-563>
8. Milyukov, S. F., & Zueva, Yu. V. (2021). *Neobkhodimaya oborona v sisteme mul'tipravovogo instituta samozashchity (doktrina, praktika, tekhnika)* [Necessary Defense in the System of the Multi-Legal Institute of Self-Defense (Doctrine, Practice, Technique)]. Moscow: Prospekt.
9. Nikulenko, A. V. (2023). *Institut neobkhodimoy oborony v deyatelnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov* [The Institute of Necessary Defense in the Activities of Law Enforcement Officers]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
10. Nikulenko, A. V., & Smimov, M. A. (2023). Sudebnoye tolkovaniye priznakov obshchestvenno opasnogo posyagatel'stva pri neobkhodimoy oborone [Judicial Interpretation of Signs of Socially Dangerous Encroachment with Necessary Defense]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Izvestiya of

-
- the South-Western State University. Series: History and Law], 13(5), 101–112. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-101-112>
11. Nikulenko, A. V., & Smirnov, M. A. (2026) Neobkhodimaya oborona protiv deystviy sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Necessary Defense against the Actions of Law Enforcement Officers]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Izvestiya of the South-Western State University. Series: History and Law], 16(1), 74–90. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-1-74-90>
 12. Pobegailo, E. F. (2008). *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
 13. Puchnin, A. V., Prokhonov, V. S., & Sysolina, N. S. (2022). Problemy ustanovleniya prevysheniya predelov neobkhodimoy oborony [Problems of Establishing Exceeding the Limits of Necessary Defense]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], (4), 246–249.
 14. Roxsin, K. (2006). *Ugolovnoye pravo. Obshchaya chast'. Tom 1: Osnovaniya prestupleniya* [Criminal Law. The General Part. Volume 1: The Foundations of Crime] (Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band 1). Munich: S.H. Beck. <https://lawcat.berkeley.edu/record/499624>
 15. Savelyev, A. V. (2020). Sotsial'no-pravovaya kharakteristika instituta neobkhodimoy oborony [Socio-Legal Characteristics of the Institute of Necessary Defense]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii* [Issues of Russian Justice], (8), 453–458.